

* * *

<...> пока в Челябинске проездом,
давай зайдем в последний бар
/кленовый шум стоит в подъездах/,
а осень – выцветший ломбард,
где выползает стружкой дыма

твое молчание; сквозь хмель
я вспоминаю – берег Крыма –
и августовский Коктебель,
Нижне-Исетское, конечно.
И дивный мрамор под крестом

в моих глазах стирает вечность.
Слеза на облаке пустом
горит серебряным и Горьким.
И нелегко сказать: *«Плесни
уральским воздухом глубоким»*.

Все города в твоей горсти
мне будут яблоком неспелым
/пусть не кончается строка/.
И точно – черное на белом –
врастают в море облака.

Времена года

Окно опять выходит на закат;
а помнишь лето? Ласточки кричали
перед грозой. Я помню облака.
И варежек, промокших от печали,

вдыхаю запах. Некому сказать
/зрачок в зрачок/: ты непреодолима.
И всякий раз, когда спешит гроза,
апрель во мне – глоток смолы и дыма –
находит высь за сеткой альвеол.
<...> но ярок снег; я дальше не расслышал:

– Тебя Господь подрезал – и обвел
в слепой кружок, наверно. Так вышло.
Перед грозой запомнил облака
/бежал октябрь на кисточке печали/.
Я только рядом был. И не вникал,
что именно они обозначали.

* * *

<...> город снова под облаками
/листья падают/; пешеход
о тебе отпускает память –
это время наоборот.

Тлеет свет. И желта страница
в ненаписанном дневнике.
Он – внекомнатная синица
с синим крестиком на руке

/крестик выведен авторучкой/.
Жизнь похожа на облака
и длинна – как любовь на случай.
Так. Иначе – невелика.

<...> осень свяжется повиликой
/листья падают в эту брешь/,
а – окажешься за развилкой –
не закрашивай, но обрежь.

Поспеш. И прикрой затылок:
ветер. Попросту говоря,
если что-то и вправду было –
это крестик хранит тебя.

* * *

«Тарковский в Горьком покупал борзых,
напился крепко и подрался, –
сказал знакомый; показав язык,
катнул слюну. – А я остался».
<...> мы разминулись в ясном октябре
/в случайном временном отрезке/.
Он был рыбак. Потом сыграл в пробел.
Теперь звезду снимает с лески
/речной пейзаж; гуденье стрекозы/,
звезда в руке его, вангую,

горит – на расстоянии слезы –
перетекающей в другую.
Едва глазком вобрав ночной мазут,
сморчат небесные моллюски
*/они на мышцах тоненьких сползут
под свекловичный солнца мускул/:*
на Стрелке выйду к зеркалу реки
в осенней куртке, белой майке,
слезу переведу – с твоей щеки –
а над водой летают чайки.

Портной цикад

Воздух солонен и зыбок в этом августе. Черна
для аквариумных рыбок меганомная волна.
Кипарисовые птицы снова точат – назубок –

ветряные небылицы. Пепел падает в песок:
есть всего одна затяжка */киммерийский вязок дым/*.
На тебе – моя рубашка; волоок горчичный Крым.

Месяц в облако заброшен, и незрим портной цикад –
обесцвеченный Волошин курит лучший самосад.
«Не аквариумный пепел, – говорит. – Воздушный плот.

Жизнь во свете /вы во свете/ – только звука оборот».
Босиком по Янышарам */он забыл про спазм крыла/*
за один огарок шара. Каждый луч – почти игла.

* * *

Гані Набіич – Гена Коций.
Он снова в зоне СВО
*/вбирает гарь, свинец и стронций
под небом Сватова/, его*

ты помнишь в солнечном Ташкенте,
а я и в мыслях не найду.
*«Они давно на первой ленте;
и стали лучшими в аду», –*

так говорит мне тот, кто в курсе,
кто видел жизнь – и смерть вдвойне.
– *Узбек, Узбек? На связи Русый.*
<...> на связи – значит – на войне.

Памяти Олега Макоши

Кому звонил? Володе, Жанне.
Светил онлайн, затем погас.
Заматерел в трагичном жанре
Покровки пагубной Пегас

*/не сквознячок от водки дикий –
по саже сердца; может, гул?/,
и неподвижны две гвоздики.
Играет время на иглу –*

теперь оно – в твоей рубашке,
оно и есть иная ткань
*/непостижим вороний кашель,
пчелой качание цветка*

*недостигаемо/. <...> но в счастье
за кадром память не храним;
я ломтик сна – пустил на части.
Пусть перечеркивает дни*

воскресный поезд на перроне.
Куплю шеллаковый альбом,
в котором август – или море –
оно не помнит ни о ком.

Полковник

Памяти Алексея «Полковника» Хрынова

Вдали от скорых электричек,
от моря синего вдали,
он гнал по зимней Кузнечихе
и песни Хрынова хвалил.
*«У нас была такая юность, –
обосновал. – Пойми, студент,
ну, чёрта мне? Я не рисуюсь.
Полковник? Умер в сентябре».*

*/стучал мотор на старой «Волге»/
Я понимал, но сам молчал:
пока во свет до смерти вогнан –
не по тебе горит свеча.
«А у Ильинской в “Паутине”, –
ответил он. – Последний раз
живым его с Поведским видел».
Затем включил Tequilajazz,*

и мы уехали в Щербинки.
<...> перемотал – десяток лет –
звучит мотив цыганской скрипки.
Мотив звучал. Разлуки хлеб
в решетке растровой хранится,
гудит потоком децибел:
ни селфи-снимка на Ильинской,
ни кружки пива на Скобе.